

П. П. ПЕРЦОВ

Первые символисты

<фрагмент>

<...> Вообще тогда в воздухе точно разлилась какая-то зараза символизма. Даже Мережковский стал писать неожиданно-новаторские стихи. Брюсов, только что похоронивший его в письме ко мне как безнадежного классика («несмотря на все симпатии Мережковского к символизму, он остается классиком по духу» — письмо от 17 апреля 1895 г.), пришел в настоящий экстаз от стихотворения Мережковского «Проклятая луна», украсившего страницы майского номера «Северного вестника» за 1895 г. «М<ережковский> блистательно опроверг меня, — заявил он уже в следующем письме, датированном: “Иды мая 1895 г.”, — “Проклятая луна” истинно-символическое и великое символическое произведение». Итак, нашелся, наконец, надежный образец нового течения — своего рода нормальный аршин, по которому можно было равнять все остальное... Стихотворение это навряд ли теперь кто-нибудь помнит, а сам автор так мало ценил его, что даже выбросил из вышедшего в начале 1896 г. своего сборника «Новые стихотворения» («Куда закатилась Проклятая луна?» — с огорчением спрашивал Брюсов). Еще гораздо несомненнее было новое без нарочитости в стихах З. Н. Гиппиус. Помню, как однажды я зашел к Мережковскому (в начале 1895 г.), и Дмитрий Сергеевич с таинственным видом увел меня в свой кабинет, где подал листок с написанным на нем стихотворением, прося сказать мое мнение. На листке стояло: «Небеса унылы и низки» — одно из лучших стихотворений нашей символической школы. Я был совершенно поражен — и подлинностью поэзии, и новизной стиля. На вопрос об авторе Дмитрий Сергеевич отмалчивался. Хотя я не имел в то время никакого понятия о поэтическом таланте З. Н. Гиппиус (она печаталась немного и как-то скрывала свои еще мало характерные стихи), —

тем не менее не мог приписать стихотворение самому Мережковскому: оно было для него слишком поэтично. Он, наконец, с торжеством назвал автора. Как раз в то время я выпускал «Молодую поэзию» и, конечно, хотел включить туда столь значительное для этой поэзии стихотворение. Но не тут-то было: Зинаида Николаевна закапризничала и наотрез отказалась появиться в обществе таких старомодных певцов, как почти все остальные участники сборника, да еще в непосредственном соседстве с каким-то Гербановским и Гессеном. Она дала мне прочесть еще несколько «новых» своих пьес, но наложила запрещение и на них. Вот почему в «Молодой поэзии» нет стихов Гиппиус.

Беспощадна моя дорога:
Она меня к смерти ведет.
Но люблю я себя, как Бога, —
Любовь мою душу спасет...

Если все стихотворение было раздражительно-непонятным, то подчеркнутая строка сразу сделала эффект скандала, когда «Небеса» появились в том же «Северном вестнике», — став наряду с пресловутым брюсовским «О, закрой свои бледные ноги!», — тем более, что тогда «Бог» писался, конечно, с большой буквы. Помню, как на одном из собраний у Полонского строка эта целый вечер была предметом общего негодования. Петербургскую Гедду Габлер квалифицировали здесь наподобие М. П. Соловьева. Даже такой, очень неглупый и, главное, молодой человек, как Б. Никольский, приводил эту строку, как крайний пример человеческого безумия и своего рода решающий аргумент в вопросе о новой школе. «Люблю я себя, как Бога!» — о чем же тут еще говорить?!.. Теперь как-то странно вспомнить об этих пределах человеческого простодушия на культурных верхах общества.

Широкую популярность З. Н. Гиппиус как «декадентской мадонны» усугубляло еще личное от нее впечатление. Я уже говорил... об ее эффектно-красивой и оригинальной наружности, так странно гармонизировавшей с ее литературной позицией. Весь Петербург ее знал благодаря этой внешности и благодаря частым ее выступлениям на литературных вечерах, где она читала свои столь преступные стихи с явной бравадой. В публике на нее косились или открыто негодовали, как Никольский. Молодежь иногда устраивала маленькие демонстрации. «Мне, к удивлению, тоже очень прилично хлопали, — писала мне Зинаида Николаевна после одного “некрасовского” вечера, — а в самом конце мило шикнули две отъявленных курсистки, — не мне, “а ваше-

му направлению, г-жа Гиппиус!»». Буренин каждую пятницу тоже усердно подогревал интерес к чете Мережковских: в его фельетонах постоянно фигурировал декадентский поэт Неспособный, который, вместо банального пера, получает с неба «писо» — нечто вроде швабры для писания символической чепухи, а супруга его, Птица Ивановна, все ищет любви, какой надо, а все находит, какой не надо, — намек на стихи Гиппиус: «Мне нужно то, чего нет на свете, — чего нет на свете»... *

Если так много внимания сосредоточивалось вокруг З. Н. Гиппиус, то, наоборот, никакого внимания не притягивал еще к себе ее литературный близнец — Сологуб, несомненно составляющий с нею такую же «сиамскую» пару, как Минский — Мережковский или, далее, Бальмонт — Брюсов, Коневской и Ал. Добролюбов, Блок и Белый. Замечательно, что весь почти русский символизм распадается на эти «двойные звезды» — чего нет для других наших литературных школ (есть только для русской живописи). Сологуб, по годам один из старших символистов (родился в 1863 г.), начал писать — по крайней мере, в своем настоящем роде — сравнительно поздно и в описываемое время являлся еще дебютантом. Его впервые оценили в редакции «Северного вестника», где был напечатан и первый его роман «Тяжелые сны» (все в том же урожайном 1895 г.), и первые повести, вроде «Червяка» (1896 г.). Там же ему придумали (кажется, по инициативе Минского) не слишком удачный псевдоним «Сологуб», вместо неуклюжей фамилии Тетерников (не слишком удачный, потому что создает литературную путаницу, повторяя

* В моих бумагах сохранился набросок одного, оставшегося необработанным, стихотворения З. Н. Гиппиус. Несмотря на недовершенность и очень «женский» характер темы и исполнения, этот поэтический эмбрион не лишен интереса — тем более что он реалистически точно рисует домашнюю обстановку Зинаиды Николаевны.

Тема для стихотворения

У меня длинное, длинное черное платье,
я сижу низко лицом к камину.
В камине в одном углу черные дрова,
меж ними чуть бродит вялое пламя.
Позади, за окном, сумерки,
весенние, снежные, розово-синие.
С края неба подымается большая луна,
ее первый взор холодит мои волосы.
Звонит колокол, тонкий, бледный, редкий,
спор идет неслышно в моем сердце:
Спорит тишина — с сомнениями,
любовь — с равнодушием...

уже известную в литературе фамилию). Отношение к этому дебютанту было весьма сдержанное даже в символических кругах. Брюсов, восхищавшийся многим у Гиппиус, почти отрицал Сологуба: «Стихи его слишком рассудочны; мало в них гениальной непоследовательности», — писал он мне (письмо от 20 марта 1896 г.). По поводу «Тяжелых снов» он даже заявил, что символизм у Сологуба «не естественный, а напускной, приделанный и заимствованный» (письмо от 25 августа 1895 г.). О «Червяке» он дал еще более суровый отзыв: «Там (в “Северном вестнике”. — П. П.) есть еще Червяк, рассказ замечательный — по топорности работы, угловатости форм и банальности сюжета» (письмо от 19 июня 1896 г.). Кто знает рассказ, оценит особенно этот последний упрек — в банальности сюжета... Такое отношение у Брюсова к Сологубу держалось еще долго, и не раз приходилось мне спорить с Валерием Яковлевичем на эту тему, доказывая, что Сологуб — настоящий и крупный поэт. Брюсову казалось непонятным мое увлечение — так же, как еще непонятнее было для него, в таких же спорах, мое восхищение Полонским. Этот последний был ему настолько чужд, что однажды он даже сказал мне: «Я могу объяснить себе ваше увлечение Полонским только вашими личными отношениями с ним». — «Помилуйте, — возразил я ему, — во-первых, я восхищался Полонским еще задолго до личного знакомства, а во-вторых, последнее вовсе не подкрепляло впечатлений от поэзии, а скорее наоборот». — «Нет, это наверное так; только бессознательно для вас самих», — упорствовал Валерий Яковлевич. Так далека была от него слишком непосредственная поэзия Полонского. Конечно, то же было и в случае с Сологубом.

Позднее я тщетно старался внушить Брюсову идею издания «Скорпионом» сборника стихов Сологуба. «Ведь это был бы презент всем “любителям поэзии”, и “Скорпион” этим заслужил бы себе их вечную благодарность», — убеждал я его (письмо от 4 января 1901 г.). Валерий Яковлевич был холоден к моей мысли. «Что Вы ничего не пишете об отношении “Скорпиона” к изданию Сологуба? — спрашивал я его в следующем письме (от 15 января 1901 г.). — Ведь прямо общая наша потеря — отсутствие этой книжки. Жаль, что медленность моего издательского кровообращения лишает меня возможности самому ее выпустить». Бывая в Петербурге и встречаясь там с общим признанием Сологуба в передовых литературных кругах, Брюсов начинал поддаваться — как показывают его петербургские записи в «Дневнике» тех годов, — но в Москве он возвращался к своему скептицизму. Наконец упорствовать дольше сделалось невозможно, и в 1904 г.

«Скорпион» издал-таки Сологуба, одновременно со сборниками Мережковского и Гиппиус. Однако книжка еще мало известного в публике автора расходилась гораздо хуже двух других (особенно Мережковского) — и Брюсов не забывал в разговорах подчеркивать это обстоятельство.

Приблизительно так же, как у Брюсова, распределялись литературные симпатии и у Бальмонта. Сологуба он, кажется, вовсе не замечал, тогда как по поводу Гиппиус я помню один интересный разговор с ним. Он чрезвычайно ценил ее стихи, придавая им определяющее значение для всей русской символической поэзии и уподобляя магистральному сонету в сонетном венке. «Она дает основные формулы тех настроений, которые разрабатываем все мы», — так, приблизительно, говорил он. Отзыв этот тем более замечателен, что вообще Бальмонт не был способен ценить поэзию кого-либо из своих сверстников (кроме разве Брюсова). Его мир был миром Бальмонта.

